

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Вера Чиркова

Последний отбор.
Угол для дерзкого принца

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2019

«Издательство А.ЛЪФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-64

Серия основана в 2011 году
Выпуск 437

Художник
О. Бабкин

Чиркова В. А.

Ч-64 Последний отбор. Угол для дерзкого принца: Роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.:
ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2883-0

Известно ли кому-нибудь достоверно, как живется в замужестве девушкам, выигравшим однажды отбор для знатного жениха? Точнее, желает ли хоть кто-то знать это во что бы то ни стало? Ведь издавна принято считать, что, получив желаемый приз, юная невеста просто обязана быть счастливой и благодарной.

Так не лучше ли раз и навсегда принять это за доказанный факт, иначе в душу очередных претенденток могут закрасться сомнения в необходимости и человечности подобных, замаскированных под смотрины торгов.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чиркова В. А., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2883-0

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Давай сделаем так, горлинка моя ясноглазая. Сперва ты пояснишь мне подробно, где пропадала больше суток, а уж потом я доложу последние новости и свои соображения, — уютно устроившись в кресле и проверив, правильно ли хлопотуха заварила брусничный чай, непререкаемо объявила Манефа.

И мне оставалось только согласиться с этим предложением. При всей своей доброте и мягкости Манефа не выносит ни капризов, ни упрямцев и этим очень напоминает мне наставника. Гесорт тоже никогда не поддастся ни на жалобный взгляд, ни на надутые губы.

В этот раз я рассказывала все обстоятельно. Ничего не упустила: ни рвавшей сердце обиды на жестокие слова Ренда, ни его обещаний в засыпавшем нас глиной убежище, ни амулета, до сих пор висевшего у меня на шее. Помянула и о том, что Стай с Альми об этом амулете, несомненно, знали, но смолчали. Как и обо всех своих прочих подозрениях и выводах.

— Вот оно как... — Бабушка уже сидела на мягком подлокотнике моего кресла, гладила меня по волосам и вытирала непонятно откуда взявшиеся слезы большим и мягким голубым платочком. — Цветик ты мой лазоревый! А я и думаю, чего же это новый внучок передо мной побитой собакой вертится! Вот теперь мне все понятно... Ведь для такого сильного воина нет хуже позора, чем пустить в смертельную западную свою напарницу! Да еще и подругу... и любимую девушку друга.

— Если бы любимую, — с невольной грустью усмехнулась я.

Как выяснилось, чувствовать себя обожаемой и нужной очень приятно: словно крылья за плечами вырастают и все вокруг становится лучше и светлее.

— Ну в этом теперь сомневаться не приходится, — веско заявила Манефа. — Уж если принц выбрал верную смерть, стало быть, ты ему дороже жизни.

— Когда... выбрал? — Чашка с чаем выпала у меня из рук, и мир вмиг потемнел.

— Светлые боги, — засуетилась Манефа, брызгая на меня водой, словно чая мне было мало, — ты же говорила, будто никого не любишь?

— Бабушка... — простонала я, создавая теплый ветерок, чтобы высушить платье, — но когда же это было!

— Да всего три дня назад... На, выпей вот холодненького, с чего это ты так расстроилась? Сама же мне рассказала, как он пытался прогнать тебя с полными карманами этой вашей магии, а сам остался на верную погибель.

— Но почему сразу на смерть?

— Так ведь он до этого уже сражался, оружие подрастратил и силы тоже. А те пауки все толще лезли. Как должен рассуждать умный человек в такой ситуации? Что дальше пряники на стенах будут расти? Вот он и рассудил, что скоро появятся самые большие, а за ними, вполне возможно, и сами хозяева. И не пожелал смотреть, как они скормят тебя паукам или еще чего похуже. Решил отвлечь на себя, пока ты убегаешь. Чего ж тут хитрого-то? Не им придумано и не он первый так поступает. Да и не последний, хотя могу точно сказать — далеко не каждый мужчина способен на подобное. Вот среди тех, кто спокойно выбирает невесту по фигуре да по зубам, таких обычно не водится. До такого, цветик мой лазоревый, человек душой подняться должен, а душа — она ведь на коврах и подушках не растет, пирожными и диковинками не питается. Ей, чтобы созреть, усилия нужны, свои страдания и к чужой беде сострадание, внимательность и наблюдательность, боль потерь и радость находок. Да ты и сама это пой-

мешь, если вспомнишь, какой беззаботной и беспечной была лет пять назад. Думаешь, народ зря говорит, что битые вдвое дороже небитых? Нет, лапушка моя, мудрость людскую не обманешь и не подкупишь, она всегда правду выведет и выделит.

— Манефа, я все это понимаю, но не тяни же ты, ради светлых богов! Что там с Рендом?

— Жив, — коротко сообщила она, испытующе глянула мне в глаза и с улыбкой добавила: — И не ранен. Но сидит под домашним арестом и неусыпным наблюдением.

— Как это «под арестом»? — Я снова едва удержала чашку.

— Поставь ее лучше, — отобрала воду Манефа. — Слаба ты еще после вчерашнего-то. Тебе сейчас бульону понаваристее нужно.

— Мне сейчас нужнее всего услышать, за что его посадили. И куда? А в цитадели знают?

— Ну как им не знать, — почему-то отвечать Манефа начала с последнего вопроса. — Всё они знают, магистры наши дорогие. А внуку́ я при встрече объясню, что бабушки — это вовсе не придворные фрейлины, с ними нужно разговаривать без всяких недомолвок и интриг. Он ведь мне сказал, будто ты в западню попала, а теперь тебя магистры в цитадель вызывают.

— Манефа! Не надо про Эстена. Я и сама знаю, что с бабушками он обращаться не умеет, но где ему было учиться? Старая герцогиня Таринская его и видеть не пожелала, молодая вообще ненавидит. А с матерью и ее семьей он уже лет десять не встречается. Но мы сейчас говорим про Ренда. Так за что его посадили?

— Не знаю, как сказать, — задумалась бабушка. — Все по-разному объясняют. Знатные лорды обвиняют его в попытке дерзкого обмана, недостойной принца. Цитадель считает это просто особым испытанием. Сам Ренд говорит, будто желал проверить чувства оставшихся претенденток.

— Как именно? — У меня на сердце словно камень лег.

— Шестеро друзей Ренда, — кривя губы в странной гримасе, сообщила старушка, — переоделись в похожие на его кос-

тюмы и маски и послали невестам приглашения на свидание. В разные беседки. Но везде были следящие камни.

— И они?

— Все как одна явились, — Манефа едва сдерживалась и собиралась она вовсе не плакать, — и три часа объяснялись лордам в любви.

— А те? — Представив эту картину, я встревожилась. — Они себя как вели? Неужели...

Нет, подобных предположений вслух лучше не произносить.

— Ничего подобного, молодые люди были очень учтивы. И молчали, как истинные немые, — уже вовсю хихикала бабушка. — Принц им условие поставил — быть слегка похожими на него одеждой и маской, но ни в коем случае не пользоваться амулетами личины и имитацией голоса. Они ведь не к кому попало шли, а к тем девушкам, к которым чувствовали влечение.

— Даже представить не могу, как это происходило. Им теперь, наверное, очень стыдно... лордам, я имею в виду?

— Да с чего бы? Они ведь просто шутили, — отмахнулась старушка и пояснила: — Мужчины к таким вещам относятся намного проще, чем мы. Зато получили возможность поухаживать за девушками, показать себя. Кстати, трое уже попросили прощения за шутку и сделали своим избранницам предложение.

— Манефа, возможно, я как-то не так воспитана... но я бы со стыда сгорела.

— Хорошо ты воспитана, правильно. А девушки, сообразив, как опростоволосились, приняли предложение. Две. Третья думает. Но их родители пока согласия не дали. Требуют, чтобы сначала принц сделал выбор и женился.

— А остальные три претендентки?

— Уверяют, что с ними был именно принц. — Манефа огорченно покачала головой. — Чуть не передрались, обвиняя друг дружку во лжи. Но не это главное. Там еще прибыла целая толпа родичей Савиллы и обвинила принца в жульничестве. Им его твердо пообещали — они к свадьбе наряды шьют,

в долги залезли, имение заложили, чтобы выезд купить. А заодно вмешались и мать Ликонтии с сестрами, эта требует, чтобы отменили развод ее дочери и вернули законную королеву.

— А цитадель куда смотрит? — расстроилась я.

— Цитадель, как я понимаю, — мягко улыбнулась мне старушка, — вчера спасала принца и тебя, а сейчас отдыхает. Там ведь ночь.

— Ну да, — пробормотала я виновато и вдруг вспомнила еще одну вещь, которую не рассказала бы никогда и никому, кроме Манефы. — Бабушка, я хочу открыть тебе чужую тайну... мне очень важно знать, что ты об этом думаешь.

— А клятву давала? — деловито осведомилась она.

— Нет, но эта тайна — из тех, какие я и сама никогда не рассказываю.

— Тогда говори, только тихо, коротко и без имен.

— Ага. Значит, так. В ловушке были еще пленники, и один из них оказался отцом моего знакомого лучника.

— Похоже, совсем у меня с памятью плохо, вот и события уже путаю, — помолчав, задумчиво сообщила Манефа. — Мне ведь казалось, будто того охотника уже и в живых нет.

Я одобрительно кивнула, и глаза старушки на миг изумленно расширились, а затем лукаво прищурились.

— Видать, спутала с кем-то. Так, говоришь, спасли его? Ну и замечательно. Человек-то очень хороший, пусть живет себе спокойно. А я тут как раз одну историю вспомнила, расскажу да лягу спать. Солнце у вас здесь неправильное, ночь должна быть. Так вот, был у меня знакомый... горшечник или скорняком он был? Не важно. Бросил однажды свое дело и ушел в другой город. И стал там менестрелем вроде бы. Все знакомые его осуждали — чего не жилось? Ремесло знакомое, по наследству доставшееся, дом тоже — полная чаша. А того, что он просто вырос из этого ремесла, как из детских штанишек, и осознал, что занимается чужим, неинтересным ему делом, когда своя судьба в другом месте ждет, никто понимать не хотел.

— Ты так считаешь? — задумалась было я, но глянула на зевающую бабушку и поспешила уйти.

— Отдохни, цветочек лазоревый, — догнало меня в дверях напутствие старушки, — а часа через четыре отправимся домой. Надо мне сходить в одно место — посоветоваться.

— Но Манефа! Мне Стайн велел никуда не ходить!

— Ну, значит, сначала его спросим, может, уже передумал, — невозмутимо кивнула она, направляясь к постели. — Маги — они такие непостоянные.

Отдыхать я устроилась в кресле на маленьком восточном балкончике, обращенном к запруде. Но вскоре убедилась, что не могу даже спокойно рассуждать, не говоря уже о том, чтобы подремать на свежем воздухе. Беспокойные мысли, одна сквернее другой, возникали и отодвигались, чтобы уступить место другим или через минуту вернуться. Были моменты, когда мне казалось, что Ренда обязательно заставят жениться на Савилле, но я представляла его в храме с ней под руку и заливалась почти счастливым смехом. Да он скорее возьмет свой лук и устроит небольшое побоище, хотя такие методы совершенно не в его характере.

Но ведь лорды не отступят, и глупо не понимать, что их так беспокоит вовсе не счастье дочерей, а возможность запустить руку в королевскую казну. И за эти, чужие пока, деньги они готовы перекроить по своему усмотрению судьбы и принцев, и собственных детей, растоптав их надежды на счастье.

Вот же напасть! Неужели магистры цитадели еще ничего не знают и не ищут способа помочь?

Нет, не может такого быть. Ведь когда меня заперли во дворце Эста, магистры мгновенно прислали и Неверса, и Калиану, да и Стай сразу согласился наблюдать за отбором.

Бешеные винты! У меня после проклятой ловушки явно что-то с сообразительностью. Стай ведь там каждый день бывает, отбор же еще не завершен. И сегодня с утра должен был сходить.

Так вот почему его волновало мое предчувствие. Он все прекрасно знал и не хотел меня волновать. Или проверял по обыкновению? Хотелось бы знать, что именно.

Впрочем... Я глянула на синее небо, по которому медленно плыло несколько пушистых белоснежных кораблей, и решительно встала с кресла. День, хотя и пошел на убыль, еще в полном разгаре, вполне можно провести с друзьями. Пока бабушка спит, пять раз успею сходить туда и обратно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Моментально вырвав воздушную лиану, я перенесла себя вниз, на короткую травку, почти скрывающую вымерзшую проплешину. Поежилась, вспомнив «подарок» королевы, и напрямик направилась к дорожке, ведущей к дому Гесорта. Он стоял на пологом берегу речки немного дальше по течению и был загорожен от воды густой живой изгородью. На ее фоне мне было отлично видно и белую беседку, и широкое, как диван, удобное сиденье качелей.

И темноволосого мужчину в простой светлой одежде, медленно бредущего по тропке мне навстречу. Не знаю, чем он меня насторожил, но в следующий миг над моей головой уже сомкнулись щиты невидимости. У них есть одна особенность: вместо стоящего под ними человека все вокруг видят предметы, расположенные за ним.

За моей спиной был дом, и я осторожно отступила к нему, почти вплепившись в стену, пахнущую разогретой смолой. Но при этом не отводила взгляда от идущего в мою сторону человека, постепенно узнавая его и начиная понимать, что именно меня в нем встревожило.

Его необычное поведение.

Никогда раньше Ренд не ходил так медленно и тяжело, как будто нес на плечах неподъемный груз.

И смотрел принц всегда иначе. Гордо запрокинув голову, дерзко озирал все вокруг пристальным, бдительным и чуточку насмешливым взглядом.

А сейчас он брел понуро, отрешенно глядя под ноги, и вряд ли видел хоть что-нибудь на расстоянии пяти шагов. Первое подозрение, что это вовсе не Ренд, я отмела уже в сле-

дующую секунду. Если бы сюда удалось проникнуть подставному принцу, он постарался бы точно копировать подлинного Райвенда.

Значит, произошло нечто настолько отвратительное, что у него просто не осталось сил поддерживать привычную маску. Ведь в поле, когда рядом не было никого из чужих, он становился совершенно другим. Пусть строгим и немногословным, зато внимательным и заботливым.

Я огорченно вздохнула и отступила еще дальше, за угол, не желая попасться на подглядывании. Вблизи о моем присутствии принцу подскажут амулеты, и это вряд ли добавит ему радости. Он не из тех, кто готов терпеть чужую жалость, уж это я успела понять.

Крыльцо дома было видно с дорожки, поэтому мне пришлось вернуть себя назад на балкончик тем же способом. А потом я осторожно, на цыпочках, спустилась по лестнице и поспешно устроилась на кухне возле блюда с разными булочками. И успела налить полчашки чая и даже сделать маленький глоточек, прежде чем вспыхнул сигнальный фонарик, сообщавший о пришедших гостях. Секунду смотрела на него, сдерживаясь, чтобы не побежать, затем отставила чашку и неторопливо пошла в прихожую. Мне ведь неизвестно, кто там заявился?

— Входите, — приветливо улыбнулась, выходя навстречу гостю, и встревоженно замерла, рассмотрев его лицо: — Ренд? Что произошло?!

— Альмисса... — невнятно пробормотал он, садясь прямо на пол, — отравила. Я тут немножко полежу?

— Как «отравила»? — У меня в душе все оборвалось.

Альми была слабым магом, но это с избытком компенсировалось кучей амулетов, которые повесил на нее муж. И неизвестно, какой из них мог сработать, если счел действия принца опасными.

— Какой-то дрянью... — пробормотал Ренд, опасливо, как бездомная собака, укладываясь в уголке прихожей, — Прости, любимая.

Закрыв глаза и замер.

Пару мгновений я потрясенно смотрела на его расслабленное лицо, затем рухнула рядом на колени. Первым делом вцепилась в руку напарника и нестерпимо долго ждала, зажав пальцами заветную жилку на запястье. И только убедившись, что она бьется уверенно и без перебоев, обрушила на Ренда весь запас целительских заклинаний, имевшийся в моем арсенале. Бодрость, регенерация, противоядия... на последнем запнулась, вспомнив, что принцы защищены амулетами.

И похолодела — медальон принца болтался на моей шее. Вне себя от горя я сорвала злосчастное украшение и попыталась надеть на его хозяина. Однако артефакт что-то непреклонно отталкивало, словно Ренд был замотан в самый плотный щит. Помучившись несколько секунд, я отбросила медальон в сторону и схватилась за свой именной амулет.

Думать о том, кого вызывать, времени не было, но что-то в душе восставало против привлечения к этому происшествию малознакомых магистров. Даже тех, кому вполне доверяла: законы цитадели благоразумны и справедливы, но строги к нарушителям.

А Альми явно что-то натворила, и хотя я сама придушила бы любого, кто посмеет сказать, будто она способна на подлость или вспышку ярости, но и не понимать, как велика возможность ошибки, фатальной случайности, тоже не могла. И поэтому звать Стая было бесполезно — ради любимой он не остановится ни перед чем. Бросит вызов всему обществу и даже цитадели, если Альми будет угрожать хоть малейшая опасность.

Оставались только леди Модена и Калиана. Поколебавшись, я послала тревожный вызов целительнице. А пока ждала ее, снова и снова пыталась вернуть командиру его амулет, и лишь убедившись в бесполезности всех усилий, повесила медальон себе на шею. В такие моменты, когда будущее неясно, а полной уверенности нет ни в ком, мощная защита лишней быть не может.

Торопливый стук каблучков послышался на лестнице, ведущей со второго этажа, через долгие три минуты. Я успела за

это время притащить воздушной лианой из гостиной ковер и подушки и подсунуть под бесчувственного напарника.

Переносить его в комнату мне почему-то казалось небезопасным. Так и сидела рядом с ним, держа за запястье и умоляя всех богов, чтобы ровное биение пульса не начало сбиваться.

— Что у тебя произошло? — едва спустившись на несколько ступеней, встревоженно спросила Калиана и смолкла, изумленно рассматривая обнаруженную картину.

— Ренд... — горестно всхлипнула я, чувствуя, что еще секунда — и разрыдаюсь позорно, как провинциальная дебютантка.

— Вижу, — мягко сказала она и коротко махнула рукой, видимо, с намерением меня успокоить.

Синее сияние сверкнуло ослепительно, как молния, дохнуло колючим холодком и замерло, надежно закрыв нас с принцем мощнейшим щитом. От потрясения я даже рот приоткрыла, собираясь спросить целительницу, зачем она его поставила. Но тут же крепче стиснула губы, обнаружив, с каким неподдельным изумлением Калиана изучает странный купол.

— Элгиния?

— Это не я. Я вообще ничего не делала и ничего не понимаю. — Мой голос задрожал, и я заторопилась, опасаясь не успеть ей всего объяснить. — Он пришел и с порога сказал, что его отравили, сразу лег и попрощался.

— Сними щит, — нахмурилась Калиана.

— Не могу. Это не мой... я вообще такой в первый раз вижу.

— А я уже видела. Это защита королевского артефакта. Но почему он накрыл и тебя? — В голосе магини звучала озабоченность и растерянность. — Сейчас вызову магистров.

— Нет! — закричала я отчаянно. — Не нужно! Я прошу, не зови никого. Возможно, он ошибся, она не могла причинить ему вреда!

— Он кого-то назвал, — догадалась Калиана. — Мать? Нет, она на острове. Кого же? Гина, тут явно ошибка, и на отравленного он не похож. Ты держишь его руку... какой пульс?

— Нормальный, — шмыгнула я носом. — Наполненный, размеренный. Но, может, яд подействует не сразу?

— А понюхать его дыхание ты можешь?

— Конечно. — Пару секунд я принюхивалась, потом уверенно доложила: — Пахнет каким-то зельем, что-то знакомое, но точно не скажу. Попытаюсь снять медальон.

— Какой медальон? — удивилась целительница и смолкла, увидев в моих руках королевский амулет. — Так вот в чем дело! Нажми на зеленый боковой камушек, это отмена опасности.

Мне не верилось, что все так просто, однако иного выхода не было. Но совет и в самом деле помог: щит растаял, едва я покрутила небольшой изумруд.

— А теперь отойди в сторону, вон к той скамье, и посиди там. — Калиана командовала очень уверенно, и это наполняло мою душу робкой пока надеждой, что принц останется в живых. — Так... чем же его поили? Гина, это не яд. Чтобы знать точнее, нужно спросить того, кого он обвинил — несправедливо, я уверена.

— Альми, — обреченно буркнула я.

Но никто и никогда не услышал бы от меня этого слова, если я и сама не считала происходящее чудовищной ошибкой.

— Как я сама не догадалась! — Целительница проворно отправила вестника и, осторожно сев на мое место, взяла Ренда за руку: — Да, пульс отличный. Не волнуйся, Гинни, ты все сделала правильно. Альми очень повезло, что у нее есть подруга, которая безоговорочно верит в ее доброту и честность. Нам, целителям, чаще приходится встречаться с обратным. Недавно я спасала девушку, которую подруга чуть не убила от ревности к возлюбленному. Увидела со стороны, как та его обнимает...

— А на самом деле? — Меня ничуть не волновала чужая история, я понимала, что меня сейчас просто развлекают, но была безмерно благодарна за это Калиане.

Встречи с Альми я страшилась почти до дрожи.

— На самом деле его укусила в шею пчела, и он попросил вынуть жало.

— Что здесь случилось? — По лестнице вихрем слетел Стай, и я опустила голову, не желая встречаться с ним взглядом.

— Райвенд пришел и упал прямо у двери, — спокойно пояснила Калиана. — Судя по запаху, онпил какое-то зелье.

— Я дала успокаивающую настойку, — заявила Альмисса, рассматривая нас с верхней ступеньки, — на пяти травах. Принца трясло от ненависти, когда он появился.

— На чем настойка? — ровно осведомилась целительница. — Сон слишком глубокий и запах странный.

— На спирту, — сообщила уже добравшаяся до меня Альми. — Травы свежие, отвар долго не стоит. Но ему ведь все равно, королевский амулет сразу нейтрализует спирт.

— То есть, — немедля сообразил Стай, — ты его просто напоила, забыв о том, что медальон он отдал в ловушке Гинни?

— Я его не поила, — отказалась Альми, поглядывая на необычайно кроткого Ренда. — Он сам. Сказал, что три капли ему сейчас — как лошади вишенка. Вылил в бокал полный фиал и выпил одним глотком. Конечно, я могла бы отобрать, но не стала. Он ведь после паучьей западни даже не поспал толком. Не успел вернуться во дворец, как они набросились, словно стая воронья. А про амулет я не подумала, меня заботило одно: где его спать положить. Травы в зелье все сильные, успокаивающие и сонные.

— Большой фиал? — деловито уточнила Калиана.

— Ровно шкалик, но он был немного не полон.

— Тогда удивительно, как Райвенд дошел, — понимающе усмехнулась целительница.

— Нужно было двери запереть, — мягко попенял жене Стай, и она вдруг рассмеялась в ответ:

— Неужели ты сомневаешься? Я пыталась. Но принц гордо заявил, что его ждет Элни. А на мой намек про ее маленький дом, где уже живет подруга, только усмехнулся, как он

умеет, снисходительно, по-королевски. Изрек, что ему хватит и угла, и ушел.

Все дружно глянули на свернувшегося в уголке Ренда и смолчали, но по губам Альми и Калианы скользнули затаенные улыбки.

— Элгиния! — окликнули сверху, и я мгновенно узнала по голосу короля.

— Я здесь, ваше величество!

— Мне нужно узнать... — Он остановился на лестнице, как недавно Альмисса, и обвел нас настроженным взором.

И тотчас обнаружил брата. Альгерт ринулся к нему, как коршун на добычу, упал рядом на колени и сунул пальцы его высочеству за воротник. А нащупав бьющуюся жилку, стремительно оглянулся на Калиану:

— Жив?!

— Да, — спокойно кивнула она. — И будет жить еще лет двести, если не станет заниматься самолечением.

— Да сколько же можно?! — раздался сверху страдальческий голос бабушки. — Ласточка моя, у тебя тут не дом, а прямо придорожный трактир!

— Манефа? — изумился мой наставник, но старушка неожиданно смерила его гордым взором истинной герцогини.

— Леди Манефия Лисвелл, лорд Гесорт. Не сочтите за труд, ваша милость, отправьте нас с внучкой домой, в замок Горензо. В моем возрасте очень вредно не спать по ночам — цвет лица портится.

— Всегда к вашим услугам, — так же церемонно склонил голову Стай, подошел к окну и широко его распахнул.

— Одну минуту, — вскочила я с места, понимая, как он намерен поступить. — Сначала я уложу Ренда в свободной спальне, для друзей у меня всегда найдется нормальная кровать.

Не обращая ни на кого внимания, кастовала малый щит; как огромной ложкой подцепила им командира и перенесла в последнюю свободную спальню. Прихватила на обратном пути в своей комнате шкатулку с амулетами и уверенно взяла бабушку под руку.

— Мы готовы.

— Спокойной ночи, — учтиво кивнул король, и солнечный день сменился ночной мглой.

Портальной башней в замке пользовались очень редко, у всех были именные амулеты цитадели и потому фонарей на ней никто не зажигал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Манефа упорно молчала, когда я воздушной петлей снимала чехол со светильника и отпирала ведущие внутрь двери; не проронила ни слова, пока мы спускались вниз и шли по пустынным галереям.

Но мне и не нужны были ее объяснения, в правоте бабушкиных действий я всегда уверена, как в поступках своих родителей. И если она так решительно увела меня с Харгедора, не постеснявшись ни короля, ни моего наставника, значит, у нее имелась на то очень важная причина.

— У тебя сколько служанок? — вдруг сварливо спросила Манефа, и я едва не оступилась.

— Там?

— Здесь.

— Семь... или восемь — с кухаркой. Нет, девять, еще же новая домоправительница!

— И все спят как цуцки, когда хозяйка вернулась холодная и голодная.

— Бабушка, если ты хочешь чаю или камин, я все могу сделать. Идем на кухню или подождешь в гостиной?

— Идем на кухню, сама чай заварю, — ворчливо буркнула она. — Посмотрим заодно, что у них в буфетной творится.

Прикинув расстояние до кухни и сочтя, что один раз могу побыть и мотовкой, создала сферу и через пару секунд уже мчала старушку по пустынным галереям, залам и лестницам.

— Не накажут? — коротко осведомилась она, бесстрашно глядя на мелькавшие мимо двери, портреты и колонны.

— Думаю, не захотят. У меня есть веская причина — старенькая бабушка, — отшутилась я.

— Ну и правильно. Я подтверждаю. А то никакой выгоды от этой магии, одни беды. — Настроение Манефы явно испортилось, и даже мой отец не взялся бы угадать отчего.

А я тем более молчала, точно зная — сердится она не на меня. На нас бабушка никогда не ругалась. Могла огорчаться, могла смотреть укоризненно и в самом худшем случае начинала обращаться с сухой вежливостью.

На кухне было чисто и пахло ванилью, и я сразу поняла, как права была бабушка. После появления Ренда я столько перетерпела, что только чашка чая и кусок чего-нибудь сладкого могли вернуть мне покой и ясность мыслей.

Вдвоем мы очень быстро все нашли и подали и через полчаса, глядя на сереющее за окнами небо, уже были сыты, довольны и благодущны.

— Делай свою коляску и вези в покои родителей... или нет, в отцовский кабинет, — скомандовала раздумывавшаяся старушка, и мы поехали в кабинет.

— А теперь запри дверь и сделай такой щит, чтобы никто не мог нас услышать.

Я понимающе кивнула — Манефа явно была осведомлена об особой защите этой комнаты. Даже самые добродушные и открытые люди нуждаются в местечке, где никто не влезет в душу. И маги ничуть не хуже, но им такое место приходится тщательно обустраивать.

— Ты уж прости меня, цветочек, — удрученно вздохнула Манефа, когда над нами заструился сиреневый купол, — что увела тебя оттуда. Но вот какая досада — не переношу я, когда люди вмешиваются в чужие сердечные дела. Про любовь много сказано и песен спето, но хватает в жизни и таких случаев, о каких в песне не споешь. А ко мне почему-то женщины всегда шли поделиться наболевшим. К старости так и мужчины потянулись. И знаешь, что я выяснила для себя? Во многих своих неудачах люди сами виноваты. Не заметили чужой любви, не оценили, не сохранили. Но еще больше безвозвратных потерь и разбитых сердец по вине советчиков и помощ-

ников. Все ведь считают, будто со стороны им виднее, и пытаются подсобить от чистого сердца, не понимая, что события должны идти своим чередом. Вот если ты в невызревшее тесто положишь начинку, пироги будут квелые, тяжелые, невкусные. Так и душа человеческая — не у каждого сразу принимает чужие чувства.

— Манефа, а поточнее ты не можешь?

— Могу, рыбка моя. Ты сегодня все мне рассказала — и о том, что принц твой ухаживать собрался, и даже в невесты тебя записал. Но невеста ты пока лишь тайная. А для всех знатных господ и дам — совершенно чужой принцу человек, раз сама из отбора ушла. И никому о своем звании сказать не можешь, да и прав никаких пока не имеешь. Понимаешь? Любовь — чувство свободное, сможешь ли ты его прятать, как украденное? Боюсь, ничего хорошего из этого не получится. А они все думают иначе, вот и набежали. И учитель твой, и Альгерт...

Бабушка смотрела на меня с любовью и огорчением, а я все не могла понять, при чем тут Ренд, Альми и король.

— Ну как же, — вздохнула она еще тяжелее. — Принц твой из дворца сбежал, и я его понимаю. Никому такого счастья, как навязанная женитьба, не пожелаю. Но ошибся он раньше — когда считал, будто сумеет переупрямить мать. А она умудрилась даже из тюрьмы его достать. И еще я очень хорошо понимаю, почему он возле тебя устроиться намерен. Когда мужчина сильно любит девушку, он просто не может ее ревновать. Прежде он за тебя был более-менее спокоен, ты не кокетка и не ветреница, какие с бала на бал порхают. А там, на Харгедоре, вы живете в своем городке, вокруг молодые маги и воины, разные праздники, гулянья, говорят, цитадель на выдумки щедра.

— То есть ты хочешь сказать, что Стай и король помогают ему втереться ко мне в доверие?

— Нет, — укоризненно качнула головой бабушка. — Полагаю, они его тоже понимают и жалеют, а тебя считают немного... запутавшейся и пытаются намекнуть. Но не словами,

упаси боги! А действиями, чтобы ты наконец уразумела, что он тебе не безразличен.

— Ну вот это я уже поняла. Но не могу пока сказать, будто чувствую ту самую, истинную, любовь.

— Вот это и есть главное, — облегченно выдохнула Манефа. — И потому не спеши падать ему в объятия. Всем людям хочется тепла и ласки, но большинство принимают это желание за любовь. И это самая большая ошибка: любовь — нечто совсем иное. Иной раз дохнуть на любимого боишься не так, не то чтобы крикнуть или ударить. А в сердце и зимой цветы цветут.

— Помню...

Я действительно не смогла забыть, как захлебывалась от восторга и нежности душа, когда на праздничных приемах Альгерт вел королеву к трону. И прежде всегда ощущала отголоски этого восторга, вспоминая о своей любви. Но сейчас почему-то ничего не чувствовала, кроме легкой досады на саму себя, и это оказалось так печально, словно кто-то выкрал моих некогда обожаемых кукол.

— Тогда идем спать.

— Подожди, еще один вопрос. Ты считаешь, что Альми со Стаем сговорились и нарочно послали его ко мне?

— Нет, цветик мой золотой, я не так сказала. Им сговариваться нет нужды, истинно любящие муж с женой всегда едины во мнениях и желаниях. Каюсь, подслушала вас, любопытно стало, чего они так засуетились. Ведь Альми могла его не пустить и фиал не показывать. Нет, она не солгала, и настой ему не нарочно весь отдала, но когда человек чего-то хочет, он сам себе незаметно подыгрывает. И даже этого не замечает. Ну вот, например, последи, как ведут себя женщины, когда поблизости вдруг появляется молодой мужчина. Все разом начинают дергать на себе платья и поправлять локоны, даже не понимая, как много говорят этим о себе внимательному взору. А король примчался за братом. Ведь убежать Райвенду никак нельзя, он честью поклялся. Но когда Альгерт увидел, как ты о принце заботишься, в постель укладываешь, сразу передумал его забирать. Он, конечно, придет еще, но

чуть позже, хочет дать брату возможность с тобой поговорить... и поэтому я тебя увела. Твой главный дар, Гинни, во все не магия, а доброта и сострадание. И мы с твоими родителями очень боимся, как бы, не дождавшись настоящей любви, ты не приняла за нее свою жалостливость. А она не нужна ни тебе, ни Райвенду, он очень сильный и независимый мужчина и достоин настоящего чувства.

— Тебе удалось окончательно меня запутать, бабушка, но даю слово не спешить и никаких решений пока не принимать. Хотя ты, несомненно, права: быть тайной невестой, когда вокруг него бегают семь претенденток, мне абсолютно не нравится.

Бабушка только довольно улыбнулась и отправилась спать.

Я тоже пошла в свои комнаты, но лечь в постель и не собиралась. За окнами медленно разгоралась заря, а я сидела перед холодным камином в большом кресле, грызла орешки и пыталась сообразить, чем может закончиться для Ренда его отбор. И не видела ни единого достойного выхода. Достойного самого Райвенда, разумеется. Во всех придуманных мной способах избежать женитьбы принц терял либо репутацию среди знатных лордов, либо уважение магов. Ведь у них не принято жениться по расчету.

Точнее, ни один здравомыслящий маг никогда не приведет в свой дом женщину, которую не любит всем сердцем. Ему это просто не нужно, да и опасно для нелюбимой жены. Ведь всем известно, что немилые сердцу люди раздражают нас уже одним своим присутствием. И там, где обычный человек просто устроит скандал, маг сгоряча может швырнуть любое заклинание.

Когда у меня проснулись способности, родители объяснили это едва ли не первым делом и не уставали повторять, приводя жуткие примеры.

Как только рассвело и в доме началось движение, я отправилась в кабинет домоправительницы, забрала все письма, на которые должна была отвечать лично, и все утро занималась

делами, пока не пришло письмо от наставника. Он очень учтиво просил разрешения прийти.

Еще вчера я насторожилась бы, сочтя это за скрытую обиду, но теперь, после объяснения Манефы, сообразила, что учитель просто проверяет, сержусь ли я на них.

— Мой дом всегда будет для вас открыт, — немедленно ответила я и велела служанке накрыть стол к завтраку в малой столовой.

На пятерых — на всякий случай.

Но они пришли вдвоем. Стай и Альми.

Замерли на миг в дверях, доказывая этим справедливость подозрений Манефы, и я первая ринулась им навстречу, не желая ни их извинений, ни виноватых взглядов.

— Вы как раз к завтраку, хотя там уже вечер!

— Гина, — вцепилась в меня Альмисса, снизу заглянула в глаза, — мы вовсе не собирались тебя сватать...

— Я знаю. Не волнуйся, Альми, я во всем разобралась. Ренд — самый лучший из всех мужчин, каких я встречала. Могу теперь сказать честно: тогда, в шестнадцать лет, я влюбилась именно в него. Да личина сбила с толку, но теперь это уже не важно. Как выяснилось, того человека я придумала, ведь Райвенда совершенно не знала. Но мне с большим трудом удалось убить в себе эту любовь, и вам об этом известно, ведь именно вы мне помогали. А сейчас я ничего похожего к нему пока не ощущаю.

Говорить о боли, какую испытала сегодня, когда думала, что он умирает, я не стала, слишком свеж был в сердце ее след.

— Я рад, — вздохнул Стай, обнимая тихо всхлипывающую Альми, — разумности, с какой ты об этом рассуждаешь. И понимаю, что это заслуга Манефы. Мне самому очень трудно разбираться в подобных вещах, я смотрю на все это с мужской точки зрения. А у Альми нет такого опыта, как у бабушки, хотя она очень внимательна и здравомысляща. Поэтому мы вполне могли попытаться навязать тебе свое мнение, хотя и совершенно непреднамеренно. Маги ведь никогда не женятся и не выходят замуж за нелюбимых, в этом цитадель не-

преклонна. И всегда будет защищать своих братьев. Поэтому сегодня во дворце будет суд, и мы сейчас направляемся туда. Пришли спросить — ты хочешь с нами?

— Конечно, — кивнула я и тут же отказалась: — Но не пойду.

— Из-за толпы придворных прихлебателей? — сразу догадался Стай. — Не волнуйся, Альми тоже пойдет не в собственном облике. Мы принесли тебе амулет, если хочешь, можешь выбрать даже мужскую личину. Ведь подходящая одежда найдется?

Ну, разумеется, на этот вариант я согласилась и, поколебавшись, предпочла женский образ. Мало ли какая ситуация может возникнуть, лучше не добавлять себе излишних сложностей. Да и говорить, если придется, мне проще своим голосом и с женской позиции.

Только выставила одно условие: Стай должен пригласить и Манефу. А захочет она идти или нет — пусть решает сама.

К моему огромному изумлению, идти во дворец на суд бабушка отказалась наотрез.

— Ты уж прости, цветочек мой лазоревый, но нечего мне там делать. Слушать, как недалекие лорды будут говорить заведомые глупости, мне всегда было противно и скучно. Они ведь по уши погрязли в своем высокомерии и искренне считают себя умнее и хитрее всех. И никогда не поверят, что для меня все их уловки шиты белыми нитками. Я лучше пойду к внучке, она меня еще вчера ждала. А ты пиши мне — если нужно будет, снова прибегу.

— Тогда подожди, — заволновалась я, — мне нужно собрать гостинцы!

У Леонсы было уже двое мальчишек, семи и десяти лет, и я старалась как можно чаще посылать им подарки. Одежду, сладости, игрушки. Ее муж служил писарем в гильдии юристов и платно учился на адвоката, поэтому заработком похвастать не мог. Разумеется, им помогали все родичи, но Леонса была весьма щепетильна и деньги брала только у родителей.

А теперь, когда ее муж нашел где-то «настоящую» любовь, троюродной сестре приходилось нелегко, ведь на ней были

дети и дом, на покупку которого ушло почти все ее приданое. Когда они поженились, ее любимый был бравым офицером в охране градоначальника и имел лишь лошадь. Все остальное: форма, седло и даже оружие — были казенными, как и комната в казарме.

— Не утащить мне столько, — запротестовала Манефа, увидев принесенные служанками плетеные сундуки и корзины. — Да и не нужно оно, тут на целую деревню.

— Мне все равно, куда она это денет, — отбивалась я. — Своим не подойдет, так пусть соседским подарит. И напомни ей, бабушка, что я жду их в гости. Поживут здесь, потом съездим в имение. Если понравится — займет место домоправительницы. Детям там будет очень хорошо: приволье, лошади, собаки, и слуги все очень порядочные. Сладить с ними легко, и у меня на душе будет спокойно.

— Попытаюсь уговорить, — вздохнула старушка.

— А если не удастся, — вмешался Стай, — передайте мое предложение. В Сёжне цитадель открыла школу для мальчиков из небогатых, но родовитых семей, туда требуется порядочная женщина на должность кастелянши. Служебное жилье, хорошая оплата и общий с воспитанниками стол. Дети персонала учатся на равных условиях, поэтому мы выбираем туда самых лучших. Ну и по секрету только вам: большинство наставников — холостяки.

— Стай! Имей совесть, не переманивай у меня надежную работницу!

— У тебя в имении детям негде учиться, и она останется соломенной вдовой, — уверенно возразил Гесорт. — Раз ее муж не сумел оценить такую женщину, то найдутся более достойные мужчины. И, кстати, Манефа, если этот попрыгун попытается заикнуться насчет дома, пишите лично мне. У меня прямо руки чешутся, как хочется с ним поговорить.

— Спасибо, я передам, — кивнула Манефа и взяла самую маленькую корзинку.

Я поспешила обнять старушку и незаметно сунуть в ее глубокий карман тугой кошелек с золотом. Маленькая хит-

рость, которую удастся провернуть так редко, что я никогда не признаюсь в этом и перед судом.

А едва Стай открыл для бабушки портал, смела воздушной петлей все корзины и сундучки и забросила туда вслед за шагнувшей вперед Манефой.

— Гинни! — раздался из портала возмущенный вопль.

— Поцелуй их за меня! — успела крикнуть ей вслед.

Не так много у меня родичей, кому хочется помочь от чистого сердца.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Портал привел нашу компанию в особую комнату четвертого этажа, и чем ниже мы спускались, тем отчетливее ощущали властвовавшее во дворце напряжение.

На всем пути от порталного помещения до приемного зала сновало не менее роты королевских гвардейцев. Они стояли на карауле у стягов и вымпелов, охраняли все двери и лестницы, ходили дозором по длинным внутренним балконам и галереям второго этажа.

Редкие фигуры придворных дам и кавалеров, как обычно прогуливавшихся по залу в ожидании чая и сплетен, сегодня казались слишком яркими и неуместными на фоне темно-синих с серебром мундиров и форменных фуражек гвардейцев.

Мы с Альми дружно выбрали для визита во дворец одинаковые темно-серые платья магинь с вышитыми на плечах и поясах черными с золотом звёздами, рунами и алхимическими знаками. Стай надел такую же рубашку, а к ней — более темные штаны и колет. И теперь выглядел намного строже и мужественнее придворных щеголей, красовавшихся в светлых и ярких шелках и бархате.

Впрочем, сегодня все наши собратья были одеты в форму цитадели, и чем дальше мы шли, тем больше встречали серых подтянутых фигур. Толстых и лысых магов не бывает, ведь даже самый слабый ученик первым делом старается выучить заклинания исправления недостатков внешности. Недаром

на всех материках герои баек про жуликов и самозванцев неизменно лысы и толсты.

— Гесорт! — ринулся нам навстречу высокий плечистый светловолосый маг, и я с изумлением узнала Эстена. — Можешь тебя на минутку? Надеюсь, милые леди на меня не обидятся.

— Обидятся, — возразила ничуть не похожая на саму себя Альмисса.

— Что... — Ее голос Эстен явно узнал сразу и настороженно уставился на меня: — А...

— Да, — пришлось мне подтвердить его подозрения.

— Не может быть... — растерялся он, но тут же спохватился: — Так ты мне и нужна! Идем!

— Куда?! — негромко, но властно остановил мечника мой наставник.

— К нему, — метнув в окружающих бдительный взгляд, таинственно шепнул Эст. — Только побыстрее! Пока все не началось, можно поговорить.

Пару секунд они смотрели друг на друга в безмолвном споре, и неясно как, но все же пришли к единому мнению.

— Мы тут погуляем, — тихо буркнул Стай, и это прозвучало обещанием.

Только неизвестно чего. Однако Эстен уже подхватил меня под руку и, склонившись, словно шептал что-то на ушко, неспешно, но неумолимо повел в сторону правого крыла, где обычно устраивали тех из гостей, кого не считали достойными отдельных покоев.

— Мы все сегодня тут, — просветил меня друг. — И чужих не пускаем.

Но я и сама уже заметила отсвет мощного защитного полога, накрывшего эту часть здания.

— Развей мои сомнения — неужели вы считаете, что они рискнут ввязаться в бой? — спросила у Эста, едва мы пересекли эту грань.

— Так ведь дураки же! — уже не понижая голоса, с досадой фыркнул мечник, отпуская мою руку. — Думают, будто мож-

но справиться с магами с помощью амулетов. Пришли, все увешанные драгоценностями, как дикие колдуны.

Я понимающе усмехнулась в ответ. Мне давно известно, что многие знатные дамы искренне считают магистров цитадели наивными глупцами, продающими изготовленные артефакторами кольца, браслеты и пояса кому попало. И ничего странного в этом нет, ведь они никогда не брали в руки ни одной книжки серьезнее слезливых романов. И не удосужились поинтересоваться хотя бы историей собственного королевства.

Но как могут надеяться победить магов их же оружием образованные лорды, изучавшие в лицеях и академиях историю материков и особенно эпоху короля Чаргиса? Ведь именно этот безумный вояка в погоне за мировым господством повел свои войска на цитадель, надеясь захватить мощные артефакты, а в итоге оставил без власти, замков и полной сокровищ казны собственных сыновей.

— Сюда, — остановившись у неприметной двери, еле слышно шепнул Эстен и сделал знак, означавший, что он будет на карауле.

В комнате, куда я попала, окна были занавешены и сумрак разгонял единственный светлячок, висевший над письменным столом, заваленным самыми различными предметами. Оружием, амулетами, мешочками с золотом.

— Кто вы такая? — холодно и почти враждебно осведомился Ренд, сидевший в кресле с высокой спинкой и торопливо складывавший свое имущество в безразмерный кошель.

— Бежать собрался? — спросила я вместо ответа, подходя ближе и пытаясь понять, по какому принципу он отбирает вещи.

— Элни? — Принц отбросил кошель и ринулся ко мне. Взял за руку, заглянул в лицо и досадливо поморщился: — Можешь ее снять... хоть на минутку?

— Лучше не рисковать, — пришлось отказать другу в этой малости.

Личине требовалось несколько минут, чтобы растаять, и еще больше, чтобы вновь восстановиться.

— Хорошо, — согласился он, глянул на настенные часы и заторопился: — Ночью я сбежал, чтобы выполнить свое обещание — все тебе рассказать. Но не рассчитал сил...

— Верить нужно целителям и алхимикам, — сердито буркнула в ответ и непроизвольно вздрогнула, вспомнив пережитую боль. — Ты меня очень испугал своим заявлением.

— Что я сказал?

— Будто Альми тебя отравила. Лег на пол и закрыл глаза... — Говорить дальше я не могла.

— Элни, — принц явно расстроился, — этого я не помню. Абсолютно. Последнее, что осталось в памяти, — как из последних сил взбираюсь на крыльцо, приказывая себе не падать. Прости, сам не понимаю, почему все время делаю тебе больно. Представляю, что ты подумала...

Он снова заглянул мне в лицо и скрипнул зубами:

— Никогда ее не прощу!

И это точно было не про Альмиссу.

— Ренд...

— Скажи — Райвенд. Или Райв... так меня звал отец.

— Кстати, — вспомнила я и осторожно взяла его за руку, — ты же знаешь, что он не погиб?

— Знаю, — хмурясь, смотрел на меня принц, потом нехотя уточнил: — Восемь лет назад?

— И тогда тоже, — я осторожно гладила его ладонь, — и сейчас.

— Когда «сейчас»? — знакомо напрягся он, и мне стало ясно, что цитадели не удалось сохранить в тайне пропажу экспедиции.

— Позавчера. Они были в той шахте, куда ушел сумасшедший в клетке.

— Почему же мне ничего не сказали? — снова помрачнел принц.

— Думаю, не хотели расстраивать. Они ведь считали, что ты ничего не знал. Я не имела права открывать чужих тайн, но мы друзья, а мне известно, как болит сердце, когда у кого-то близкого случается беда.

— Он... цел?

— Да. И здоров. Мне кажется, он придет на суд. Но, скорее всего, под личиной.

Разумеется, это было всего лишь моей догадкой и не стоило говорить о ней Ренду. Но я вдруг поняла, насколько легче ему будет смотреть в злобные рожи взбесившихся от жадности лордов, если он будет знать, что отец в этот час рядом с ним.

Ренд поймал мою руку, нежно прижал ладонью к щеке и закрыл глаза, словно пряча блеснувшую там радость.

— Элни, прости, что так получилось. Сейчас уже не успею все объяснить, но я обязательно приду еще раз... ты же позволишь?

— Куда? — на всякий случай уточнила я, чувствуя в его вопросе какую-то недосказанность.

— К тебе, в твой домик. — Звучавшая в голосе принца усталость с оттенком отчаяния была абсолютно несвойственна моему командиру и не добавляла этому объяснению никакой ясности.

— Откуда?

— Не знаю, поселюсь где-нибудь, — беспечно отмахнулся он и с внезапной ненавистью добавил: — Больше не могу здесь оставаться, просто душит их тупость и наглость! Иногда руки так и тянутся за луком — припугнуть как следует.

Вот этого я и боялась. Знатным бездельникам и в голову не может прийти, насколько со временем обостряется в наемниках цитадели чувство самосохранения и бдительности. Да еще неприятие подлости и трусости. И как скор и категоричен суд бывалых воинов. Второй раз никто не возьмет в напарники щита, прикрывшего в опасной ситуации только себя, или мечника, в погоне за большой наградой зацепившего слишком сильного монстра.

Лорды даже не подозревают, насколько быстро забывают те, кто каждый день смотрит в лицо смерти, надуманные правила тошнотворно лицемерной учтивости. Вроде обязательного вызова на поединок наглого лгуна или подлеца вместо хорошей прилюдной оплеухи. И тем более им невдомек, как

опасно задевать и злить магов, точно знающих цену трусливым болтунам.

Конечно, вряд ли Ренд на самом деле станет в них стрелять, но в том, что ему сейчас паршиво и больно, я не сомневалась ни на гран. И очень ясно понимала, что просто не могу не поддержать в такой момент друга и напарника, даже если за это на меня ополчатся все сплетники Тезгадора.

— Значит, спальня в моем домике тебе не понравилась, — с нарочитой печалью вздохнула я, мгновенно догадавшись, чем могу отвлечь командира от предстоящего судилища.

Да и нетрудно сообразить, что это именно то, о чем он мечтал, но не мог спросить прямо.

— Ты выделила мне спальню? — Ренд изумился так правдоподобно, что я почти поверила.

— А где, интересно, ты тогда проснулся? — оскорбленно вздернула нос. — Не могла же я оставить тебя валяться в уголке прихожей.

— Не знаю... Герт разбудил и сунул в портал, а ругался уже здесь. Но я очень тебе благодарен... и поверь, любимая, самый темный уголок твоего дома для меня ценнее лучших покоев этого дворца! И все же я не буду там жить — не хочу, чтобы злые языки отравили тебе жизнь.

— Опоздал, — начала я сердиться всерьез. — Как выяснилось, они давно уже промыли меня в семи водах, выполоскали и высушили, эти самые языки. А до цитадели им не добраться, хотя мне больше нет до них никакого дела. Но раз тебе так дорого мнение придворных дам, второй раз предлагать комнату не стану.

Отвернулась и направилась к двери, втайне желая, чтобы он меня остановил.

— Мне на него наплевать! — Принц в два прыжка оказался рядом, поймал за руку. — На их мнение. Я вообще боюсь только одного — потерять тебя еще раз. Прости за сомнения, был не прав. Свободен там еще мой уголок?

— Райвенд! — не сдержавшись, засмеялась я, только теперь сообразив, что командир умудрился заставить меня уго-

варивать его принять мое великодушное предложение. — Не нужно со мной хитрить и лукавить. Я ведь не фрейлина.

— Больше не буду, — пообещал он очень серьезно. — Да и сейчас случайно так вышло. А фрейлин ты помянула зря. Но теперь, любимая, тебе пора, времени мало.

Очень нежно поцеловал мою руку, сам открыл дверь и сдал меня Эсту.

По коридорам и каким-то переходам мы почти бежали, и меня изумляла только быстрота, с какой мой друг освоился в дворцовых лабиринтах. Обо всем остальном в этой спешке думать было невозможно.

— Успели, — подтолкнув меня к небольшой дверце, облегченно выдохнул блондин. — Это гостиная для женщин. Через вторую дверь попадешь прямо в тронный зал. Смотри не перепутай, мы садимся с левой стороны, под окнами.

Развернулся и убежал.

А я спокойно вошла в небольшую комнату, куда открывалось несколько дверей. Все как обычно: умывальная, небольшой будуар и буфетная. Распахнутые настежь створки самой широкой двери вели в просторную гостиную, уже почти опустевшую. Только Альми еще придирчиво поправляла прическу возле громадного зеркала, да Савилла с самым отсутствующим видом возила ложечкой в вазочке с мороженым.

— Леди, сейчас выйдет король, — деликатно поторопила нас стоявшая у выхода фрейлина со смешным именем Дагерия.

— Уже идем. — Проходя мимо Альми, я мельком глянула в зеркало и подхватила подругу под локоть: — Нам в одну сторону.

Вскоре мы уже сидели в удобных креслах спиной к распахнутым настежь окнам, даже не сомневаясь, что места для собратьев выбирали магистры. Здесь не будет душно, падающий из высоких окон свет не даст рассмотреть наших лиц, а в крайнем случае все мы сможем мгновенно уйти порталами.